

Three soldiers in military gear are shown from the chest up, emerging from turbulent blue water. The soldier in the center is aiming a rifle forward, while the others look off to the side. The water is splashing around them, creating a sense of action and danger.

МОРСКОЙ СПЕЦНАЗ

СЕРГЕЙ ЗВЕРЕВ

БОЦМАН ЛЮДИ ШТОРМА

Морской спецназ

Сергей Зверев

Люди шторма

«ЭКСМО»

2012

Зверев С. И.

Люди шторма / С. И. Зверев — «Эксмо», 2012 — (Морской спецназ)

Российское гидрографическое судно «Астрахань» в Каспийском море попало в жесточайший шторм. Волны пригнали корабль в территориальные воды одной из бывших советских республик. Однако, вместо того чтобы оказать морякам помощь и помочь вернуться на родину, власти страны арестовали судно, а самих россиян отправили в тюрьму. Дело в том, что одному местному олигарху очень хочется получить от русских моряков данные о новых месторождениях нефти. Освободить пленников с помощью дипломатических служб не удалось, и тогда на помощь российским морякам была отправлена группа спецназа под командованием Виталия Саблина по прозвищу Бочман...

Содержание

Пролог	5
Глава 1	12
Глава 2	17
Глава 3	23
Глава 4	28
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Сергей Зверев

Люди шторма

Пролог

Жесточайший шторм свирепствовал на Каспии вот уже пятый час. Небольшое гидрографическое судно «Астрахань» тяжело переваливалось с волны на волну, то и дело врезаясь носом в высоченные пенистые валы. Судно очень некстати попало в эпицентр шторма, и теперь на «самом полном» пыталось уйти из зоны циклона. Однако двигалась «Астрахань» со скоростью улитки: машина, работавшая на высоких оборотах, не справлялась с нагрузкой, выдавая не более четырех узлов в час.

К вечеру непогода заметно усилилась. На море опустилась непроницаемая мгла. Зарядил затяжной ливень, черное небо то и дело расчерчивалось пронзительными голубыми зигзагами. Ледяная вода окатывала валом, накрывая судовые надстройки. Даже ходовая рубка – и та то и дело оказывалась под водой. Трещала обшивка, скрежетало железо переборок. Двигатель захлебывался от перенапряжения, его глухая пульсация постепенно замедлялась. Теперь «Астрахань» дрейфовала под ветер, лишь время от времени подрабатывая машиной.

Незадолго до полуночи случилось непредвиденное: обнаружился небольшой крен на правый бок. Капитан Арсений Алексеевич Горецкий помрачнел: ведь в штормовую погоду последствия любого крена всегда непредсказуемы. Да и «Астрахань» была судном относительно небольшим, класса «река – море»...

Кэп тут же вызвал старпома. Они были дружны уже четырнадцать лет. Как и сам Горецкий, старший помощник Равиль Нигматуллин в прошлом был военным моряком. Начинал в Каспийской флотилии лейтенантом на рейдовом тральщике и служил до тех пор, пока не ушел по сокращению «на гражданку». Равиль был авторитетным и опытным мореманом – именно потому Арсений Алексеевич и взял его на «Астрахань».

– Что будем делать, Равиль? – поинтересовался капитан. – С таким креном и перевернуться недолго.

– Сперва надо бы узнать причину. – Старпом взглянул сквозь остекление ходовой рубки, однако кроме мутноватого света носового прожектора ничего рассмотреть не сумел. – У тебя есть какие-нибудь соображения на этот счет?

– Понятия не имею, что случилось. Только что справлялся в трюме – никакой течи, никаких пробоин. Грузы на месте, ничего не смещено.

И тут откуда-то с палубы послышался несильный металлический удар, за ним еще один, затем – вновь... Теперь удары, то и дело усиливаясь, следовали один за одним регулярно, словно кто-то с настойчивостью дятла стучал по палубе гулкой металлической колотушкой.

– Что это? – насторожился Нигматуллин.

– Спроси что-нибудь полегче, – вздохнул Горецкий. – Стучит-то явно где-то снаружи, а не в трюме...

Выяснить источник странного звука можно было лишь одним способом: выбравшись на палубу. Однако покинуть ходовую рубку в шторм было почти что равносильно самоубийству: гигантские волны могли смести такого смельчака за борт в мгновение ока.

– По морским обычаям, капитан покидает судно последним, – напомнил Горецкий. – Но в случае штормовых форс-мажоров первым ходовую рубку покидает все-таки кэп.

Спустя минут десять капитан, облаченный в прорезиненный костюм и принайтованный длинным шнуром к скобе, с предельной осторожностью выбрался наружу. На груди был прикреплен фонарик, правая рука сжимала пожарный топор – ведь странный предмет, стучавший

по палубе, наверняка можно было бы перерубить. Порывистый ветер швырял в лицо холодную соленую воду. Темень стояла кромешная – волны только что вдребезги разнесли носовой прожектор. Голубоватый конус нагрудного фонаря скользнул по надстройке, выхватил клоч бело-снежной морской пены, тонкими линиями зачернел низкий поручень безопасности.

Продвинувшись к носу судна, Горецкий сразу определил источник странного ритмичного стука. На палубе наискосок лежала обломанная и сбитая штормом стенга. Размочаленный трос закрутился вокруг поручня замысловатым узлом, не давая волнам смыть тяжелую мачту за борт. Под натиском волн нижний конец стенки то и дело долбил по палубе, грозя проделать в настиле дыру. В случае даже незначительного изменения курса гигантская волна могла бы бросить эту массивную металлическую конструкцию на остекление ходовой рубки, и тогда последствия были бы катастрофическими.

Закрепив карабин страховочного шнура за поручень, капитан осторожно двинулся по раскачивающейся, словно качели, палубе. И хотя страховочный карабин скользил по поручню легко и надежно, Горецкий шел очень осторожно. Передвигаться приходилось короткими рывками между двумя волнами, а потом стоять, уткнув лицо в грудь, дожидаясь, когда схлынет вода. Топорик теперь только мешал, и кэп заткнул его топоричем за пояс. Луч фонаря хаотично плясал по пенным бурунам, прорезая их причудливым синим светом. Наконец, добравшись до криво лежащей мачты, Горецкий остановился и намертво вцепился обеими руками в ограждение. Дождался, когда очередной вал с шумом перекатит через палубу, быстро перекинул карабин на следующую секцию поручней – так, чтобы шнур не стеснял движений.

И тут сильнейшая волна, налетевшая откуда-то сбоку, опрокинула его на обломок мачты. Разлохмаченный конец металлического троса антенной растяжки впился в прорезиненную материю балахона десятком образовавшихся на нем мелких крючков. Горецкий ухватился двумя руками за длинный конец троса, на котором болталась обломанная поперечная секция крепления антенны, и попытался протолкнуть его в узел. Но тот оказался затянутым крепко.

– А как насчет топора? – прокричал капитан быющему в лицо ветру и, дождавшись, когда схлынет волна, со всей силы рубанул по тросу острым лезвием.

Удар получился точным и сильным – второго и не потребовалось. Один конец троса, зацепившийся за поручень мертвым узлом, так, правда, и остался висеть, зато теперь можно было, хорошенько поднатужившись, выбросить обломок стенки за борт.

Присев, Горецкий с немалым усилием перевалил тяжеленную мачту через поручень. Причинивший столько хлопот обломок тут же исчез в пенных бурунах.

Угрожающее постукивание, естественно, прекратилось. Правда, теперь, стоя на палубе, тяжело было сказать, есть ли у «Астрахани» крен или нет – ведь гидрографическое судно швыряло в гигантских волнах, как скорлупку. Выяснить это можно было лишь в ходовой рубке, по показаниям приборов. К счастью, обратный путь прошел у Арсения Алексеевича без приключений – все-таки опыт передвижения по палубе в штормовом море усваивается быстро...

– Ну, что там у нас, Равиль? – поинтересовался кэп, стаскивая с себя прорезиненный балахон с рукавом, изодранным тросом.

– Вроде бы немного выровнялись. – Старпом взглянул на приборы. – Но тут у нас новая напасть. Небольшая течь по правой скуле...

– Хорошо, что не по всему борту, – философски отозвался Горецкий; многочасовая качка измотала его так сильно, что он уже ничему не удивлялся. – И большая?

– Стармех туда только что спускался – уже по колено водички, – сообщил Нигматуллин. – Там, видимо, листы обшивки разошлись...

Горецкий лишь выругался. Опытный капитан понимал: заделать течь в штормовых условиях вряд ли возможно. Это на крупнотоннажных судах можно было бы подвести под пробину дощатый щит и залепить его быстро затвердевающим цементом. Однако на «Астрахани» такого цемента не было. Наложить внутренний пластырь тоже не представлялось возможным –

ведь для этой операции требовались специальные раздвижные упоры, которых в трюмах также не предусматривалось. Да и «Астрахань» все-таки была не военным, а гражданским гидрографическим судном, и потому относительно небольшой экипаж вряд ли мог бы долго и успешно бороться за живучесть.

– Вырезать несколько кусков переборок откуда-нибудь изнутри и попытаться заварить. Газосварка ведь у нас есть, – осторожно предложил старший помощник.

– Варить в шторм? «По-мокрому»? Да ты что! – отмахнулся Горецкий. – Только хуже сделаем... Кстати, там береговые службы на нашу последнюю радиogramму хоть как-то отреагировали? Боюсь, придется спасательные вертолеты вызывать. В любой момент можем вернуться.

– Спасательных вертолетов не будет, – невозмутимо сообщил Нигматуллин. – Даже если мы тут на корм осетровым уйдем.

– Это почему не будет?

– В районе Дербента несколько сейнеров выбросило на берег, всех спасателей задействовали на эвакуацию людей. Тут весь Каспий штормит... Так нам и радиовали: мол, продержитесь до утра, с теми судами разберемся – тогда, может быть, и вам поможем... Ладно, у нас там пока мотопомпа работает. Вроде справляется. Будем надеяться на лучшее.

Забортная вода продолжала поступать в носовой трюм. Остойчивость постепенно уменьшалась. Море ревели, обрушивая валы на палубу. Несколько минут капитан и старпом молчали, прикидывая дальнейшие перспективы. А они казались безрадостными. Ведь листы носовой обшивки уже были повреждены, и даже одного сильного удара волны было достаточно, чтобы сделать пробоину в несколько метров. Ликвидировать ее не представлялось возможным. Смерть в ледяной воде, в штормовую ночь, когда трещит под тобой тонкая перемычка, отделяющая от бездны, когда дыра в корпусе увеличивается и ничего с этим сделать нельзя, – что может быть страшней?

– Бог не выдаст, свинья не съест, – решил Арсений Алексеевич. – Главное, что из эпицентра шторма мы вроде бы уже выходим.

– Машина, – деликатно напомнил Равиль.

– Да знаю, знаю, что на последнем дыхании. Меня стармех еще перед выходом из Астрахани предупреждал: на честном слове все держится, срочная капиталка нужна, да разве у нашего начальства допросишься? Мол, Каспий – не Бискайский залив, тихий закрытый водоем, что тут с вами может случиться...

– А машина тем временем в любой момент может окончательно сдохнуть...

Ситуация на терпящем бедствие судне всегда меняется стремительно и, как правило, в худшую сторону. Так случилось и на этот раз. Носовая обшивка, разбиваемая ударами волн, вскоре разошлась. Забортная вода уже не сочилась, а хлестала в трюм. Дальнейшее всему экипажу казалось нескончаемым кошмаром. Моряки, сменяя друг друга каждые пятнадцать минут, вычерпывали воду пожарными ведрами, то и дело перезапускали захлебывавшуюся мотопомпу, срывая кожу с ладоней, подводили временный пластырь из досок, наспех собранных по всему судну. Люди были на пределе своих возможностей, однако об отдыхе никто и не помышлял; спасение судна было вопросом жизни и смерти.

К полуночи непогода несколько поутихла. Однако теперь «Астрахань» дрейфовала с заметным носовым дифферентом, что было заметно даже по наклону палубы. К счастью, морякам удалось каким-то чудом наложить временный пластырь, и носовая помпа, запущенная в трюме, более или менее справлялась с работой. Однако незадолго до рассвета случилась новая напасть – окончательно отказал двигатель, как это и предвидел старший помощник. Теперь «Астрахань» дрейфовала, отдавшись на волю ветра, волн и морских течений, медленно и неотвратимо смещаясь к территориальным водам постсоветской среднеазиатской республики, расположенной в юго-восточной части Каспия. В довершение ко всем несчастьям на

гидрографическом судне вышли из строя и связь, и навигационная система, и без того весьма несовершенная. Определить местонахождение «Астрахани» теперь и вовсе не представлялось возможным. Так же, как и сообщить о своих координатах спасателям. В случае повторного шторма, пусть даже и небольшого, морякам оставалось надеяться разве что на аварийные шлюпки. Да и тех вряд ли бы хватило на весь экипаж: одну из шлюпок сорвало с талей еще в самом начале шторма.

Ядовито-ртутное солнце белело сквозь пелену серых туч над каспийскими водами. Вокруг «Астрахани» перекатывались причудливые зеленоватые холмы, увенчанные шипящими белыми гребнями. Однако сейчас они уже не выглядели столь устрашающе, как вчера вечером. Полузатопленное судно, полностью потеряв управляемость из-за неисправной машины и угрожающего носового дифферента, по-прежнему медленно смещалось в юго-восточном направлении.

Вскоре Каспий успокоился окончательно. Воздух приобрел прозрачность, какая всегда бывает на море сразу после шторма. Через бинокль можно было рассмотреть далекую береговую линию. Над притихшими волнами закружились чайки, тревожа утреннюю тишину гортанным клеткотом. В зыбкой ясности рассвета постепенно прорисовывалась тоненькая желтоватая полоса. Южный ветер, называемый тут моряну, нес со стороны пустыни мелкую пыль и едва различимый запах серы.

И капитан, и старпом, и измотанная штормом команда теперь вздохнули с облегчением: ведь самое страшное вроде бы оставалось позади. Встреча со среднеазиатскими коллегами выглядела настоящим подарком судьбы: ведь в порту можно было не только привести в порядок поврежденное судно, но и дать отдых измученному экипажу.

О том, что дальнейшие события могут развиваться как-то иначе, никто из моряков даже и не предполагал...

* * *

– С какой целью вы нарушили морскую границу нашей республики? – Портовый чиновник внимательно осматривал надстройки «Астрахани», искореженные штормом.

Чиновник был толстый, обрюзгший и нагловатый. Его форму цвета хаки украшали многочисленные шевроны с изображением якорей, звезд и государственного герба. Судя по количеству нашивок и размерам якорей, он явно принадлежал к элите местного портового начальства, занимая должность никак не ниже старшего портового инспектора. Едва появившись на палубе гидрографического судна, чиновник сразу же повел себя так, словно был судовладельцем. Беседа же с Арсением Алексеевичем и вовсе напоминала полицейский допрос...

«Астрахань» лишь каким-то чудом дошла до среднеазиатского берега; в трюмах было полно воды, носовой дифферент достиг угрожающих градусов, единственная мотопомпа от перегрузки вышла из строя. После чего с помощью буксира подошло к портовому причалу. В принципе, с подобными повреждениями судно следовало немедленно поместить в сухой док для капитального ремонта. Однако портовые власти дружественной среднеазиатской республики почему-то не торопились с оказанием помощи. Во время шторма едва не погиб Миша Щетинин, морской геолог, прикомандированный к «Астрахани» накануне выхода в море; помогал откачивать воду из носового трюма, внезапно сместившийся груз придавил его к переборке, и теперь Щетинин с сильнейшей черепно-мозговой травмой был на грани жизни и смерти. Однако медицинской помощи предложено не было, хотя на этом и настаивал капитан. Портовый чиновник даже не пригласил на борт ремонтников, хотя «Астрахань» могла сесть килем на дно прямо у причала.

– Итак, повторяю вопрос. – Портовый инспектор явно упивался своим величием. – С какой целью вы нарушили нашу морскую границу?

Арсений Алексеевич даже растерялся – и прежде всего от постановки вопроса. Любой человек, мало-мальски осведомленный в морском деле, понимал: если формальное нарушение сорокамильной границы и было, то не по доброй же воле! Судно почти полностью потеряло плавучесть, навигационное оборудование вышло из строя еще на рассвете, даже рация – и та не работала! Где уж тут определить нарушение морской границы?! Живы остались – и то хорошо...

– Даже если бы мы и определили наше нахождение, все равно не сумели бы отойти от вашей границы, – стал терпеливо пояснять Горецкий и извлек из стола карты. – Лоции читать умеете? Вот синяя стрелка к берегу, как раз напротив вашего порта, это подводное течение, которое наше судно сюда и снесло. А у нас машина встала. Не верите на слово – давайте спустимся в отделение, покажу...

Однако портовый инспектор не захотел ни вникать в положение дел моряков, ни осматривать машину. Выслушав грамотное объяснение Горецкого, он с тупым упорством вновь заявил о «злостном нарушении границы», после чего покинул палубу «Астрахани».

– У нас человек при смерти! – крикнул ему в спину капитан. – Его срочно надо на берег, в больницу! Есть же Морское право, черт вас возьми! И обычная человеческая порядочность!

– И ремонтников, ремонтников пришлите! Пусть хотя бы пластырь наложат, на какое-то время он поможет! – Нигматуллин попытался догнать визитера, но тот, не реагируя на реплику, уже спускался по трапу.

Дальнейшие события развивались стремительно. Спустя всего лишь полчаса после того, как судовой инспектор покинул гидрографическое судно, на палубе появилась целая делегация в разноцветных униформах: таможенники, пограничники и почему-то полицейские. Держались они неприветливо, подчеркнуто официально. Их лица не предвещали экипажу ничего доброго.

После поверхностного таможенного досмотра и пограничных формальностей всю команду, двадцать четыре человека и пострадавшего ученого, выгрузили на берег. Мишу Щетинина, правда, тут же отправили в больницу; все-таки брать ответственность за смерть иностранца портовым властям не хотелось. Остальных же моряков препроводили не в портовую гостиницу, как того следовало ожидать, а в местный полицейский участок, где и разместили по камерам следственного изолятора, предварительно выгнав оттуда всех наркоманов, бомжей и портовых воришек.

Ситуация приобретала весьма скверный оборот. Кэп, сидевший в одной камере со старпомом, лихорадочно прикидывал, что делать дальше. По всем юридическим нормам российским морякам следовало немедленно потребовать представителя российского посольства и соответствующую правовую помощь. Однако полицейские, сославшись на позднее время, пообещали сделать это только утром.

– Что называется – влипли, – уныло констатировал Равиль, ворочаясь на жестких нарах. – Я вообще не понимаю – с чего это они на нас так наехали? Вон, всего лишь три месяца назад заходили в этот же самый порт – так едва ли пылинки с нас не сдували!

– По формальным признакам нарушение госграницы имело место, – отозвался Горецкий. – Однако по Морскому праву виноваты они, как ни крути. В подобных случаях портовые инспекторы обязаны составить протокол: мол, навигационные приборы и средства связи вышли из строя, машина тоже, судно потеряло плавучесть, ну, и так далее. Информировать о заходе в территориальные воды не могли, определить свое местонахождение – тем более, не говоря уже о том, чтобы дать международный радиосигнал бедствия.

– Кстати, сигнал бедствия мы давали при заходе в порт – и флажками, и дымовыми ракетами, – напомнил старпом.

– Да помню, помню... Ладно, давай спать, и так больше суток на ногах. Думаю, утром тут появится наш консул, и тогда все более или менее прояснится.

* * *

– Так, эти пакеты с белым порошком аккуратно раскладываем вот тут. – Молодой чернявый мужчина с физиономией прохиндея суетился в капитанской каюте. Аккуратно выложив объемные целлофановые пакеты с белым порошком, он обернулся к оператору: – Освещение наладил? Ракурс подходящий? Думаю, снимем с первого же дубля...

Вот уже полчаса в капитанской каюте «Астрахани» хозяйничали телевизионщики из информационно-аналитической программы «Звезда Востока» – крупнокалиберного идеологического орудия местного президента. Шакалы пера и акулы голубого экрана готовили «постановочные» кадры для новостийной передачи. Кадры эти и должны были изобличить русских моряков не только в сознательном нарушении государственной границы, но и в других, куда более страшных грехах...

Дождавшись, когда на корпусе видеокамеры погаснет красный индикатор, журналиста взял в руки микрофон и с подчеркнуто доверительными интонациями в голосе произнес:

– Итак, мы находимся в каюте капитана гидрографического судна «Астрахань». Того самого капитана Арсения Горецкого, который утверждает, что «Астрахань» якобы попала в шторм и якобы, получив значительные повреждения, была вынуждена нарушить наши территориальные воды и запросить помощи. Однако русский капитан почему-то умолчал об истинной цели визита. – Рука журналиста, эффектно описав полукруг, уперлась в целлофановый пакет с белым порошком. – Наши таможенники обнаружили в его каюте несколько килограммов так называемых «тяжелых наркотиков». Этого шайтанского зелья вполне достаточно, чтобы посадить на иглу как минимум половину взрослого населения нашего города. Русские, которые ежедневно клянутся нам в дружбе и добрососедстве, привезли для нашей молодежи смерть, слезы для наших матерей, горе для наших сестер...

Спустя несколько часов запись репортажа из порта вышла по всем новостийным телеканалам с пометкой «Срочно!». Монтаж видеозаписи был выполнен с типично азиатским коварством. Несколько крупных планов «Астрахани» (неповрежденная корма и ходовая рубка) должны были внушить зрителю мысль: мол, русские моряки соврали – сославшись на шторм и якобы поврежденное оборудование, без спросу вошли в порт. Кадры с белым порошком должны были навести на мысль, что истинной целью визита была контрабанда наркотиков в особо крупных размерах. Журналистский комментарий, выполненный в эмоционально-доверительной манере, свидетельствовал: отец-президент не спит, его спецслужбы тоже, скверна изобличена и будет выжжена каленым железом.

Естественно, подавляющее большинство телезрителей поверило репортажу сразу и безоговорочно: ведь население республики в основном составляли добрые и наивные декхане-хлопководы. И никто из них так и не задался вопросом: а для чего, собственно, экипажу «Астрахани» было врать про шторм и потерю плавучести, если они могли войти в территориальные воды их республики на совершенно законных основаниях? Что и неудивительно: ведь телевидению в основном верят безграмотные...

Однако телевизионщики умолчали о главном. Приблизительно в то самое время, когда профессиональные фальсификаторы раскладывали в каюте Горецкого пакеты с зубным порошком, изображавшим «тяжелый наркотик», в рубках «Астрахани» орудовали офицеры местного Министерства государственной безопасности. Их интересовало абсолютно все: судовой журнал, карты, лощи. Но особенно – специальная геолого-разведочная аппаратура с электронными и химическими анализаторами, а также пробы донного грунта и придонной воды, сделанные Мишей Щетининым при помощи этих самых анализаторов.

Тут, правда, спецслужбистов ожидала досадная неожиданность. По инструкции, принятой в подобных случаях, все эти данные тут же надежно шифруются. Ведь результаты иссле-

дований гидрографических служб являются служебной тайной. Взломать шифры «с ходу» у охранки, естественно, не получилось. Шифры знал только российский ученый, однако, прооперированный несколько часов назад, он находился в бессознательном состоянии и вряд ли мог бы им помочь.

К обеду из столицы прибыл советник российского посольства. Но к задержанным морякам его не пустили – мол, понимаете ли, вашим соотечественникам вменяется тяжелейшее преступление, в нашей республике за контрабанду наркотиков вообще полагается смертная казнь, идут оперативно-следственные действия, потерпите несколько часов, и мы представим вам ваших сограждан, а заодно и неоспоримые доказательства их вины.

Тем временем в изоляторе временного содержания всюю шла обработка российских моряков – мол, признавайтесь, шакалы, и насчет злонамеренного нарушения границы, и насчет наркотиков, а то совсем плохо будет; ваша страна от вас уже отказалась, чтобы не дискредитировать собственный Морфлот на международной арене. И хотя того же Горецкого крутили самые опытные следователи местных спецслужб, решить вопрос кавалерийским наскоком не удалось. На длительные допросы просто не оставалось времени, а применять к морякам пытки не поступило команды. А потому российскому дипломату просто продемонстрировали видеофиксацию обыска в капитанской каюте: вот вам наркотики, вот вам тайник для их транспортировки, вот вам протоколы обыска, вот подписи понятых. Так что все сходится, за подобные вещи положены арест и следствие.

– Но вы не волнуйтесь, – лицемерно заверили дипломата. – Делом занимаются лучшие следователи Министерства государственной безопасности, они наверняка во всем разберутся. К тому же оно на особом контроле нашего президента. Степень вины ваших моряков может решить только суд, как это и принято в цивилизованных странах.

Российский дипломат, естественно, не поверил ни заверениям, ни видеозаписи, ни протоколу: ведь и у местного Министерства государственной безопасности, и уж тем более у президента-диктатора, безраздельно правившего страной, была самая незавидная репутация даже в Средней Азии. Уже к вечеру российский МИД отправил гневную ноту по поводу случившегося – мол, требуем независимого международного расследования, а главное – немедленной встречи с задержанными моряками «Астрахани» и снятия ареста с самого гидрографического судна. Однако на Востоке подобными заявлениями трудно кого-нибудь смутить. Формальный ответ прозвучал в лучших традициях азиатских деспотов: мол, мы обязательно организуем и встречу с задержанными, и снимем арест с «Астрахани», но не теперь, ведь у нескольких членов экипажа обнаружена опасная инфекция, которая может перекинуться на все население портового города, ваши моряки согласно международным санитарно-эпидемиологическим нормам проходят карантин, судно дезинфицируется, так что как только, так сразу.

Оппоненты явно тянули время. Зачем им это требовалось, оставалось лишь догадываться. Однако, судя по всему, главной причиной ареста «Астрахани» и изоляции всего экипажа были не «наркотики» и даже не смехотворный предлог обнаружения «инфекции», а что-то совсем другое.

Как бы там ни было, но освободить моряков усилиями дипломатов не представлялось возможным. Даже встретиться с ними было нельзя. Все требования российского МИДа тонули в бюрократической переписке и постоянных заверениях о том, что «все решит наш гуманный и справедливый суд». А затем о судьбе моряков вообще перестали что-либо сообщать.

Однако у российской стороны оставался еще один способ решения вопроса. Способ этот был хотя и не дипломатический, но тем не менее очень действенный...

Глава 1

Половину кабинета занимал стол – тяжелый, стильный, красного дерева, затянутый зеленым сукном. Несколько массивных телефонов, бронзовая чернильница, старомодный сейф и сборчатые шелковые портьеры на окнах говорили о том, что эти начальственные апартаменты наверняка обжиты еще с советских времен. Однако хозяин кабинета никак не вписывался в винтажный антураж. Высокий, с поджарой фигурой стайера и цепким взглядом глубоко посаженных глаз, он напоминал скорее преуспевающего менеджера серьезной европейской фирмы, чем адмирала российского ВМФ.

А вот профессиональная принадлежность его собеседника – высокого брюнета с массивной квадратной челюстью и пронзительным взглядом стальных глаз – сомнений не вызвала, хотя и одет он был в «гражданку». Безукоризненная строевая выправка, точность движений и характерный для моряка прищур – все это выдавало в нем элитного флотского офицера.

Несмотря на явную разницу в возрасте и, несомненно, в звании, хозяин кабинета беседовал с брюнетом с подчеркнuto уважительными интонациями.

– ...итак, все дипломатические способы освободить наших моряков исчерпаны, – подытожил адмирал. – А потому чисто формально ситуация может развиваться по двум сценариям. Первый – мы просто сдадим наших людей, как стеклотару. Забудем, что они наши соотечественники, забудем про «Астрахань», про жесточайший шторм, в который они попали... Второй сценарий более правильный.

– Недипломатическими способами, товарищ адмирал? – уточнил брюнет.

– Ничего другого не остается – если уж мы исчерпали все законные средства международного права, – прозвучал ответ.

Поднявшись со старомодного кресла, хозяин кабинета подошел к стене, сдвинул сборчатые портьеры... Крупномасштабная карта юго-запада Каспия была испещрена многочисленными флажками, стрелочками и кружочками.

– Вот тут, – указка адмирала очертила на синем фоне овал, – традиционные места вылова сельди. Еженедельно в этом квадрате проходит до сотни рыболовецких судов – наших, азербайджанских, иранских... и так далее. Одним больше, одним меньше. Никто их не считает. Никто не удивляется появлению новых сейнеров, траулеров и даже плавучих рыбкомбинатов. Понимаете, куда я клоню, капитан-лейтенант?

– Постоянная плавучая база, – подхватил собеседник и, опустив очевидные логические построения, продолжил: – До юго-западного берега Каспия, имея хорошие средства подводной транспортировки, не более одного часа ходу. Высадка в удобном месте. Рекогносцировка на местности. Мониторинг тюрьмы, где находятся наши ребята. Далее – по ситуации.

– В том-то и дело, что по ситуации. – Адмирал отложил указку. – А всей полноты ситуации мы пока не знаем. Да и о пленных моряках известно немного. Наш дипломат выяснил лишь то, что находились они в камерах предварительного заключения портовой полиции. Сообщили о какой-то инфекции, то есть получается, что их перевели в карантин.

– В глубь страны?

– Не думаю. Арестованную «Астрахань» через арык в глубь страны не перегонишь. А наши моряки, как я понимаю, нужны только вкупе с гидрографическим судном, которое, кстати, уже ремонтируется в сухом доке. Вопросы есть?

– Так точно. Почему бы нашей группе не проникнуть на место под каким-нибудь подходящим легендированием? – прищурился брюнет. – Ведь в этот порт заходит масса судов со всего Каспия!

Адмирал отрицательно покачал головой:

– Уже думали. Не получится. С позавчерашнего дня увольнения на берег для иностранных моряков строго ограничены. Якобы «инфекция», которую, как ты понимаешь, наши моряки и занесли. А потом, не забывай, с кем нам приходится иметь дело: в этой республике порядки теперь похлеще, чем у нас были при Сталине. Любой иностранец, проявивший интерес к арестованным нарушителям государственной границы, сразу же вызовет интерес соглядатаев из их Министерства государственной безопасности.

– Почему наших ребят вообще арестовали? Зачем вся эта дешевая комедия с «наркотиками» и «нелегальным нарушением границы»?

– Я думаю, тут все дело в исследованиях шельфа Каспия, которые «Астрахань» и проводила целых полторы недели. Всех подробностей пока не знаю даже я, но, подозреваю, наши среднеазиатские оппоненты явно хотят воспользоваться плодами чужих научных исследований. – Адмирал уселся в кресло, протянул собеседнику папку: – Итак, слушай задание. Первое: тщательно изучить все эти лоции, карты и снимки спутникового мониторинга. Особое внимание – на береговую линию в окрестностях порта. Второе: прикинуть, где можно устроить на побережье скрытую временную базу. Местность там относительно безлюдная, и это нам на руку. Третье: сразу определиться с путями отхода на случай непредвиденных обстоятельств. Времени на все про все – ровно сутки. Ну, и четвертое – собрать свою группу и немедленно вылететь в Дербент, где вы и получите дальнейшие инструкции. Понимаю, что придется очень и очень тяжело. В свою очередь могу сказать, что мы агентурными путями попытаемся выудить некоторую информацию о месте нахождения наших моряков в этом порту... – Адмирал выдержал паузу, а затем официальным тоном проговорил: – Капитан-лейтенант Саблин! Поставленную задачу понял?

– Так точно, товарищ адмирал! – отчеканил каплей.

– Давай, Боцман... – по-отечески улыбнулся собеседник. – Выполняй! Я в тебя верю.

– Есть! – Капитан-лейтенант Виталий Саблин по-уставному вытянулся и вышел из кабинета.

На лестничной площадке сразу за дверью стоял морской пехотинец с «Кедром». При виде Саблина он даже не повернул головы, хотя по его взгляду было понятно, что узнал гостя; ведь этот брюнет с массивной квадратной челюстью и пронзительным взглядом стальных глаз был в адмиральском кабинете нередким гостем.

Каплей неторопливо спустился по лестнице, усланной бордовым бобриком, сдал часовому пропуск, после чего прошел во дворик, где его ожидал неприметный закрытый микроавтобус – без пассажирских окон и с гражданскими номерами. Спустя несколько минут микроавтобус, миновав ворота со сдвижным металлическим шлюзом, выехал со двора.

Где именно, на какой конкретной калининградской улице находится дом с адмиральским кабинетом, капитан-лейтенант Саблин не знал и сам. Обычно неприметный микроавтобус без пассажирских окон принимал его у флотской гостиницы, что в самом центре Калининграда, после чего вез куда-то по городу. Естественно, офицер не пытался выяснить ни адреса, ни маршрута. Да и такие меры предосторожности со стороны флотского командования выглядели оправданными: уж если ты служишь в элитном спецназе Балтфлота, нелишне позаботиться о конспирации...

* * *

Слово «боцман» всегда вызывает богатый ассоциативный ряд: суровый мореман с серебряной дудкой на цепочке, «свистать всех наверх!», страх и трепет команды... Капитан-лейтенант спецназа Балтфлота Виталий Саблин, хотя и имел в своей богатой военно-морской родословной несколько боцманов, никак не соответствовал типу заматеревшего палубного

диктатора. Интеллигентный любитель шахмат, начитанный и скромный... Разве похож такой человек на диктатора?

Кличку «Боцман» он получил еще в юности, будучи нахимовцем: вместе с друзьями проходил плавпрактику на барке, где сразу обратил на себя внимание любовью к порядку и требовательностью к его исполнению. Именно благодаря этим качествам Виталий и попал в элитную спецшколу подводных пловцов на Балтике, именно благодаря этим качествам он завоевал авторитет у командования и товарищей по оружию.

Было у Саблина качество, весьма нечасто встречающееся среди офицеров спецназа: страстный любитель шахмат, он все свое свободное время тратил на изучение классических шахматных поединков. Достаточно было назвать любую знаковую партию, чтобы Боцман не только провел ее анализ, но и указал на ошибки гроссмейстеров.

Служба в военно-морском спецназе была не из легких. В последние годы боевые пловцы оказались на редкость востребованными, притом в тех операциях, о которых обычно не сообщают в программах теленовостей. Рутинные тренировки, ежемесячные сдачи нормативов и допусков, бесконечные авиаперелеты, скрытные боевые акции в разных морях и океанах... Вот уже более года Саблин возглавлял небольшую мобильную группу, куда, кроме него самого, входил урожденный новороссийский грек Коля Зиганиди, виртуозный специалист по минно-взрывному делу, и петербуржка Катя Сабурова, одна из лучших боевых пловцов Балтфлота.

Сама же мобгруппа боевых пловцов подчинялась напрямую лишь одному человеку – контр-адмиралу Федору Ильичу Нагибину, начальнику ГРУ Балтийского флота. Адмирал Нагибин счастливо сочетал уважение начальства и любовь подчиненных. Первые ценили его за обстоятельность и профессионализм, вторые уважали за умение отстаивать интересы флота и демократичность в общении. К тому же Федор Ильич вовсе не был «кабинетным» адмиралом: ведь на многие ответственные задания он выезжал лично, осуществляя оперативное руководство.

Не приходилось сомневаться, что и каспийская операция не обойдется без его участия...

Изучение лоций, карт и спутниковых снимков, полученных от адмирала Нагибина, заняло у Боцмана несколько часов. Даже беглый анализ информации подтвердил справедливость слов Федора Ильича о сложности предстоящего задания. Ведь действовать предстояло в совершенно незнакомой стране и к тому же нелегально: малейший просчет был чреват не только провалом всей группы, но и, возможно, огромными неприятностями для плененных моряков с «Астрахани»! Ни об обустройстве временной базы на берегу, ни о легальном пополнении пресной воды и продовольствия, ни о зарядке баллонов дыхательной смесью вроде бы не могло быть и речи. А уж если прибавить к этому незнакомую береговую линию, изменчивые прибрежные течения и вполне объяснимую подозрительность местного населения, задача казалась и вовсе невыполнимой.

О чем Виталий Саблин и сообщил своему другу, старлею Коле Зиганиди.

Новороссийский грек Коля, этот истинный потомок рассудительных эллинов, отреагировал довольно спокойно:

– Виталик, как говорится – не умирай до расстрела! На войне только дилетант строит планы на несколько дней вперед. А опытный человек, вроде тебя, должен жить сегодняшним днем, не задумываясь, что будет завтра. Пока мы видим лишь минусы. Как знать – может, на самом берегу рассмотрим и плюсы?

– Любое море богато на разные сюрпризы, – подхватила Катя Сабурова. – Помнишь Персидский залив? Мы тогда тоже думали: ты при взрыве саудовского танкера погиб, все исперевивались! А на самом-то деле...

– Ладно, не будем забегать вперед, – согласился Боцман. – Тем более что завтра у нас тяжелый день. Авиаперелет сперва до Махачкалы, потом поездка на машине до Дербента...

– А потом еще и до плавбазы по морю надо добираться, – напомнил Зиганиди. – Отбой, господа офицеры!..

* * *

Неяркое солнце дробилось в притихших каспийских водах. Небольшой моторный катер, оставляя за собой бурлящий пенный след, шел в открытое море. Через открытый световой люк машинного отделения донеслись глубокие вздохи двигателя. Стоявший на носу Виталий Саблин взглянул себе под ноги – его тень сжалась в небольшое темное пятно и лишь чуть-чуть выступала за пределы носков обуви.

– У тебя, Виталик, все признаки вампира или привидения, даже тени не отбрасываешь, – подначил друга подошедший Коля Зиганиди.

– Солнце высоко, – отозвался Боцман, взглядываясь в безмятежную морскую даль. – А вообще, прикидывая нашу грядущую высадку на берег, скажу честно: с удовольствием на какое-то время превратился бы в привидение или вообще кого-нибудь невидимого или хотя бы полупрозрачного.

– Например, в медузу, – улыбнулась Катя Сабурова, поправляя разметавшиеся по плечам золотистые волосы.

– Учитывая то, что нас ждет, то лучше всего в горгону Медузу...

Форштевень катера уверенно резал зеленоватые волны. Катер на полном ходу шел в нейтральные воды, где в заданном квадрате уже дрейфовала плавучая ремонтная база, которая и должна была стать постоянным местом дислокации для мобгруппы боевых пловцов.

Ремонтная база, к которой катер подошел часа через два, выглядела довольно неприглядно: серо-ржавая громада с несообразно высокой надстройкой и огромной стрелой подъемного крана на баке. Полустертая надпись «Каспийрыбфлот» по борту, густой запах мазута, водорослей и разогретого солнцем железа... Вряд ли кто-нибудь мог заподозрить, что это судно – стационарная база российских боевых пловцов.

– Рад встрече, – адмирал Нагибин приветливо поздоровался с прибывшими, едва те поднялись на палубу.

– Здравия желаем, товарищ адмирал, – ответил Саблин, немного растерянно рассматривая непосредственного начальника.

Теперь Федор Ильич совершенно не походил на того безукоризненно вылощенного флотского командира, каким Боцман привык его видеть в служебном кабинете. Глядя на Нагибина, вообще было трудно представить, что этот человек занимает одну из ключевых должностей во флотской разведке. На товарище адмирале были разношенные прогары, застиранная матросская роба и брезентовая штормовка. Наряд дополняла поношенная зюйдвестка.

– Главное в таких ситуациях – полностью слиться с ландшафтом. – Нагибин красноречивым взглядом оценил проржавленные металлические конструкции старой плавбазы. – Не в кителе же мне на этом ржавом корыте ходить... Ладно, пока самая общая информация. – Нагибин двинулся на корму. – Информация эта касается прежде всего тебя, капитан-лейтенант... Пошли под навес.

На корме, под брезентовым навесом, возвышалось нечто массивное и веретенообразное. Федор Ильич снял брезент. Взгляду Боцмана предстала странная конструкция, отдаленно напоминающая то ли торпеду субмарины класса «убийца авианосцев», то ли очень сильно уменьшенную мини-подлодку.

– Средство дальней подводной доставки? – Саблин взглянул на прозрачные обтекатели в носовой части.

– Правильно мыслишь. Как раз на троих и рассчитана. Вообще, по нашей классификации, это микроподлодка прибрежного радиуса действия, – пояснил Нагибин.

– Мы еще с такими не работали. – Боцман присел на корточках, с профессиональным любопытством оценивая через фонарь остекления кабину.

– Каждый человек когда-нибудь осваивает новую технику впервые: от трехколесного велосипеда до стратегического ракетносца, – справедливо возразил адмирал. – Техника уже опробована и испытана, ничего сложного в ней нет. Вот штурвал, вот вертикальные и горизонтальные рули, вот раздвижные обтекатели. В подводном положении они защищают экипаж от набегающего потока воды во время движения. Вот бортовая дыхательная система, которая позволяет экономить дыхательную смесь в аквалангах. Управление... грузоподъемность... максимальная глубина... заряд аккумуляторов... эхолот... счетчик пройденного пути, – Федор Ильич стал сыпать техническими характеристиками.

– Неужели запас крейсерского хода – почти тридцать пять морских миль? – не поверил Саблин.

– Это в подводном положении. В надводном даже немного больше. После чего аккумуляторы следует заряжать восемь часов, что вполне можно сделать и в бытовых условиях от обычной розетки в двести двадцать вольт. Или даже от генератора, подключенного к двигателю внутреннего сгорания. Главное – эта мини-подлодка совершенно не определяется даже самыми продвинутыми эхолотами. Специальное антирадарное покрытие, мощнейшая система звукоизоляции и сверхтихий каталитический двигатель. Ну что – опробуешь технику прямо сегодня? – Федор Ильич прищурился.

– Прямо тут, с борта рембазы, и погружаться? – Саблин подозрительно взглянул на матросов в робах, драивших палубу неподалеку.

– Наши люди, морпехи, – коротко прокомментировал адмирал. – Так все-таки сегодня опробуешь или как? Завтра у тебя тяжелый день...

Стрекот двигателя, доносившийся откуда-то сверху, постепенно усилился. Контр-адмирал и капитан-лейтенант синхронно задрали головы. Над самой ремонтной базой летел, едва не задев вздетую стрелу подъемного крана, небольшой беспилотник.

Заложив неторопливый вираж над ремонтной базой, беспилотник махнул крылом и круто взял вверх. И хотя брезентовый навес над кормой не позволял зафиксировать микроподлодку, появление неизвестного летательного аппарата было встречено настороженно.

– Уже второй раз за сегодня, – пробормотал Нагибин, провожая БЛА долгим и цепким взглядом моремана. – Наверняка не случайно... И кто это, интересно, может быть?..

Глава 2

Окна холдинга «Каспий-инвест», принадлежащего уважаемому Байраму Сахатову, выходили на Президентский дворец – мрачноватое серобетонное здание с гигантским золоченым куполом, возвышающимся над центром столицы. Облик Сахатова воскрешал в памяти образы средневековых азиатских деспотов: сухое оливковое лицо, бескровные не улыбочивые губы, тонкая ломкая линия брови, вурдалачий взгляд узких черных глаз...

Сахатов был одним из очень немногих людей, имевших право входить без доклада к самому главе государства, носившему официальный титул «Отца нации». Кроме владельца «Каспий-инвеста», подобной привилегией в стране пользовались только трое: министр государственной безопасности, председатель Центробанка и личный президентский астролог. Объяснялось это очень просто – Байрам, один из богатейших людей Средней Азии, происходил из того самого хлопководческого кишлака, что и сам президент, и вдобавок был женат на его двоюродной сестре. Нередко Сахатов выполнял весьма деликатные поручения Отца нации, связанные с контрабандой наркотиков, отмыванием денег и размещением их на номерных счетах швейцарских банков. Близость к «телу» давала огромные преимущества: льготное налогообложение, выгодные госзаказы, возможность разворовывать государственный бюджет без оглядки на Генпрокуратуру и даже свободный доступ к некоторым данным спецслужб, которые также можно было использовать для собственного обогащения.

Вот и теперь, сидя в своем огромном кабинете, Сахатов внимательно просматривал отчет об аресте российского корабля. И «Астрахань», и ее экипаж были арестованы именно с его подачи. Арест, согласованный на самом верху, производился силами Управления МГБ портового города, которое возглавлял полковник Омар Сахатов, племянник Байрама. Причина ареста была очевидной: среднеазиатского олигарха очень интересовали некоторые исследования морского дна, производимые с борта гидрографического судна.

Просмотрев отчеты МГБ с грифом «совершенно секретно», владелец «Каспий-инвеста» повертел в руках навороченный мобильник, украшенный рубинами и бриллиантами, подумал и набрал номер племянника.

– Ну, что там у тебя, Омар? – с ленцой поинтересовался дядя. – Я о тех русских.

– Они уже готовы во всем сознаться, – с готовностью отрапортовал тот. – То есть по их глазам видно, что они уже осознали свою вину, но пока не подобрали нужных слов, и теперь следует направить их осознание в нужное...

– Слушай, ты мне под идиота не коси, – властно перебил Байрам. – Не на заседании Совета безопасности. Что с тем ученым?

– Прооперировали.

– Очухался, надеюсь?

– Медики делают все возможное, – промямлил Омар. – Надо как минимум несколько недель, чтобы он более или менее пришел в сознание.

– А если они не сделают все возможное, если тот русский ученый за эти несколько недель умрет?

– На все воля Аллаха, – из трубки донесся печальный вздох.

Сахатов-старший стал выходить из себя:

– Слушай, я одного не могу понять. На «Астрахани» есть капитан, есть его старший помощник. Ты хочешь сказать, что они не знают, каким образом этот чертов ученый зашифровал свои данные? То есть если он там у вас в больнице умрет, все исследования ишаку под хвост? Или капитан не хозяин на своем судне?

– Мы делаем все возможное, – попытался оправдаться подполковник МГБ, однако дядя-олигарх и слушать его не захотел:

– Ты вообще понимаешь, какого труда мне стоило уломать нашего уважаемого президента дать отмашку на задержание «Астрахани»? Сколько тут разных подводных камней, сколько бюрократических сложностей, какие международные проблемы могут ожидать нашу молодую республику?! – Байрам сделал эффектную паузу и неожиданно продолжил с подчеркнутым участием: – Слушай, Омарчик, а может быть, тебе твоя служба больше не нравится? Ты ведь сам незадолго до свадьбы канючил: ну, сделай мне такой свадебный подарок, устрой в Министерство госбезопасности, да на хорошую должность, да с прицелом на карьерный рост, да звание не ниже подполковника, да чтобы в кабинете сидеть, а не по дальним командировкам мотаться, да чтобы можно было и на службе зарабатывать. А мне твое трудоустройство и погоны, между прочим, денег стоили, и немалых! Сторожем на арбузную бахчу не хочешь? А то могу аттестовать...

Омар Сахатов ответил не сразу. Байрам явственно слышал, как тот громко сглотнул слюну, прерывисто потянул носом, как нервно щелкнул зажигалкой, явно прикуривая.

– Дорогой дядя, – ответил подполковник совершенно убито. – Я очень виноват и перед тобой... и перед нашим уважаемым президентом. Я действительно допустил непростительную халатность. Больше этого не повторится. Обязуюсь оправдать оказанное доверие...

– Сколько тебе надо времени, чтобы выбить из русского капитана интересующую меня информацию? – перебил владелец «Каспий-инвеста».

– Дня три. Может, четыре...

– А кто мне только что говорил, что они уже готовы во всем сознаться? – напомнил Байрам. – Или и тут соврал?

– Я имел в виду их признание в незаконном пересечении границы и контрабанде наркотиков! – с горячностью возразил племянник. – Ведь это официальное обвинение...

– Ладно. Даю тебе неделю. Но если не справишься... – Сахатов-старший сделал многозначительную паузу и нажал на «отбой».

Время близилось к обеду, а до перерыва Байраму предстояло сделать еще множество дел. Главным в списке дел было утверждение очередного прижизненного памятника Отцу нации, который, кстати, планировалось поставить как раз в том портовом городе, где в Управлении МГБ и служил непутевый племянник. Скульптор с моделями, макетами, эскизами и сметами уже дожидался в приемной.

Макет скульптуры выглядел стильно. Президент был изображен в образе молодого всадника-батыра. Вздыбленный конь, гордый поворот головы, властно поднятая рука, указывающая на восток... Все это сильно смахивало на фальконетовского Медного всадника в Санкт-Петербурге. И хотя Байрам Сахатов имел за плечами лишь техникум механизации хлопководства и ничего не смыслил в монументальном искусстве, макет ему очень понравился: и образностью, и замыслом, и, естественно, размахом. К тому же Медный всадник, взятый за первооснову, был единственной конной статуей, которую он зримо представлял.

– Солидно, солидно, – сдержанно похвалил олигарх. – Думаю, нашему уважаемому президенту такое должно понравиться.

– Стараемся, – напряженно улыбнулся скульптор.

– И каких размеров будет твой всадник?

– Тридцать пять метров сорок два сантиметра высотой, если считать до поднятой руки. И пьедестал сорок семь метров, уже поставили. По нашему замыслу, эта статуя должна быть эдаким символом, который сразу заметят моряки зарубежных судов, заходящих в порт. Как статуя Свободы в Нью-Йорке. Кстати, по размерам наш всадник будет на несколько метров больше.

– Когда можете приступить к установке всадника?

– Да хоть завтра! У нас почти все готово, остается лишь отлить, смонтировать и водрузить на готовый постамент.

Олигарх мельком взглянул на настенный календарь с изображением парадного портрета Отца нации.

– Памятник следует открыть ко дню рождения главы государства. То есть через четыре месяца. Сможете?

Скульптор тут же состроил испуганное лицо:

– Да что вы, уважаемый Байрам! Это же монументальное литье! Монументальная, если так можно выразиться, пропаганда! Нужны соответствующие специалисты, нужны глиняно-песочные формы, нужны... Да там одной меди тридцать четыре тонны, по самым скромным подсчетам! Не считая стальных конструкций, цемента, гранита для постамента.

– Все материалы уже выделены, я оплатил. Предварительные работы, надеюсь, уже начались? – Сахатов сверкнул черными глазами.

– Начались... То есть должны были начаться. Я отправил на побережье помощника, чтобы тот отыскал нужный грунт для форм. Но ему не дают работать! – Скульптор перешел на драматический шепот: – А все местное МГБ: туда нельзя, сюда нельзя, для поездок по берегу нужен специальный пропуск. А еще и полиция деньги вымогает по всякому поводу... и без повода, кстати, тоже. А взятки, между прочим, мы вынуждены платить из бюджета, отведенного на монумент. А бюджет не резиновый. Значит, скульптура нашего уважаемого президента будет много хуже, чем запланировано. Или даже меньше запланированных размеров. Как говорили когда-то скульпторы директорам хлопководческих колхозов: «Какие деньги, такой и Ленин!»

Сахатов удивленно вздернул бровь:

– Как это деньги вымогают? Из бюджета памятнику Отцу нации? Полиция? Обожди-ка...

Нащелкав номер племянника, Байрам без предисловий произнес:

– Омар? Что там за мудаки у вас в начальниках полиции? А вот сам и выясни, чем он передо мной провинился! Это ты в госбезопасности служишь, а не я. А тем и провинился, что мешает нашему народу возводить конную статую, достойную главы государства! Тут у меня этот... архитектор. То есть скульптор. Говорит, отправил к вам помощника для подготовки. Что помощнику надо ездить по окрестностям, искать нужный грунт для отливки. Так тот ваш оборотень в погонах деньги у него вымогает. И вообще, этот вредитель сознательно мешает возведению памятника монументальной пропаганды. Ты понимаешь, что это государственной важности дело? Ты понимаешь, что в случае малейшего прокола даже я тебя не спасу?..

Спустя десять минут все вопросы были решены. За начальником полиции была отправлена опергруппа МГБ с ордером на арест. Помощнику скульптора был выделен служебный джип с пропуском-«вездеходом» от Министерства государственной безопасности. Сам же Омар, униженно бляя, пообещал, что любого, кто помешает возведению памятника монументальной пропаганды, он лично расстреляет из табельного оружия.

– Знаю я тебя... – примирительно промолвил Байрам. – Пока тебе мозги как следует не вставишь – работать не научишься. Слушай, а давай я к тебе в гости съезжу. Заодно и наш главный вопрос проконтролирую... Надеюсь, ты не против, дорогой племянник? Завтра с утра вылетаю. Встречай в аэропорту...

* * *

Проводив взглядом тюремного конвоира, Арсений Горецкий уселся на жесткую деревянную скамью, привинченную к полу.

Следственный кабинет выглядел мрачновато: толстые решетки на окнах, крашенные в темно-коричневый цвет стены, старомодная мебель, огромный парадный портрет Отца нации со всеми регалиями... За письменным столом сидела женщина-следователь в форме

майора местного МГБ: маленькая, гибкая, по-восточному привлекательная, с манерами ласковой змеи.

Минут десять следователь делала вид, что не обращает внимание на подследственного. Пристально глядя в ноутбук, она то и дело щелкала клавишами. Горецкий, человек опытный, прекрасно понимал, что это – не более чем следовательский ход: мол, пусть он помучается, пусть понервничает!

Наконец товарищ майор оторвалась от монитора:

– Здравствуйте. Я ваш следователь, майор Министерства государственной безопасности Гюзель Шахмурадова.

– Очень приятно, – хмуро ответил капитан «Астрахани».

– ...и я буду заниматься вашим делом. Поверьте, – Гюзель продемонстрировала в улыбке острые белые зубки, – я вам не враг и сделаю все возможное, чтобы следствие двигалось в рамках законности.

– Надеюсь, – спокойно ответил Горецкий.

– Итак, начнем с главного: кто, когда и с какой целью поручил вам незаконно доставить в нашу страну три с половиной килограмма героина? Кому именно в нашей стране вы должны были передать наркотики? Сколько сообщников у вас было среди членов экипажа?

– Наркотики нам подбросили. Видеокадры изъятия полностью сфальсифицированы, точно так же, как и протоколы. Ни я, ни члены экипажа нашего судна никогда наркоторговлей не занимались и вообще не имеем к этому занятию никакого отношения. Никаких сообщников у меня нет, – с подчеркнуто официальными интонациями проговорил капитан.

– За свою службу в органах я еще не встречала человека, который бы утверждал, что ему чего-нибудь не подбросили, – лукаво прищурилась Гюзель. – А потом все рано или поздно признаются в своих преступлениях. Потому что выхода другого нет. Зато есть видеокадры, протоколы изъятия и показания понятых. Или вы хотите поставить под сомнение профессионализм и компетентность всего нашего ведомства?

Отец нации недобро шурился с портрета на подследственного. Горецкий понял: дальнейшая беседа не имеет смысла. Точно так же и его, и остальных членов экипажа могут обвинять в чем угодно – с предъявлением фальсифицированных видеокадров, протоколов и свидетельских показаний.

– Беседовать дальше категорически отказываюсь, – спокойно произнес он. – Как гражданин Российской Федерации, требую немедленной встречи с представителем нашего посольства и оказания мне правовой помощи.

На лице следователя тут же промелькнула целая гамма чувств: досада, растерянность и даже сочувствие.

– Очень жаль, – произнесла она и, напряженно посмотрев по сторонам, понизила голос до доверительного шепота: – Я ведь действительно хочу сделать все, чтобы облегчить вам жизнь. У меня бабушка русская, я воспитывалась на вашей культуре, и мне далеко не все нравится, что у нас тут происходит... Но, к сожалению, я веду следствие не одна и потому не смогу вам толком помочь. Что поделать – работа такая, и меня тоже контролируют! В этом кабинете даже стены имеют глаза и уши...

И тут сбоку от Горецкого открылась неприметная дверь в стене, которую он прежде не заметил.

– Э-э-э, слушай, зачем ты с ним так долго разговариваешь? – донесся из-за двери голос. – Не хочет признавать свои ошибки – сейчас по-другому говорить будем!

Гюзель растерянно пожала плечами – мол, извините, ничего сделать не могу...

За дверью открылась небольшая каморка без окон. Цементный пол, стены «под шубу», гудящий стержень люминесцентной лампы на потолке...

Посередине комнаты возвышалось огромное деревянное кресло с высокой спинкой, чем-то напоминающее электрический стул: кожаные ремни на подлокотниках и передних ножках, металлический шлем, приподнятый над спинкой. Рядом с этой странной конструкцией стоял высокий угрюмый мужчина в штатском. Удивительно низкий лоб, густые сросшиеся брови, огромные мосластые кулаки со сбитыми костяшками – наверное, именно так выглядел лейб-палач Чингисхана. При виде капитана «Астрахани» он осклабился и сделал приглашающий жест – мол, прошу в кресло!

– Садись, русский, сейчас музыку будем слушать, – с недоброй усмешкой произнес он.

Горецкий послушно уселся: не бежать же ему из следственного корпуса тюрьмы МГБ! Угрюмый мужчина с неожиданной быстротой зафиксировал его руки и ноги кожаными ремнями. После чего резким движением надел на голову шлем.

– Последний раз спрашиваю – будешь сознаваться в своих преступлениях? – спросил он и, не дождавшись ответа, нажал на какую-то кнопку позади стула.

Из наушников шлема тут же полился странный низкочастотный шум, будто бы испорченный трансформатор гудел на басовых нотах... Арсений Алексеевич так и не понял, в какой именно момент его начало мутить. Перед глазами поплыли странные фиолетовые разводы, язык неожиданно прилип к гортани, затем резко начали болеть живот и грудь. Боль с каждой секундой становилась все невыносимей, в голове будто бы загудел тяжелый колокол. Спустя несколько минут внутренности стало выворачивать наизнанку. Ощущения были чудовищными. Капитан стиснул зубы – только бы не закричать, только бы не показать свою слабость перед мучителями!

Конечно, человек технически грамотный, Горецкий был наслышан и о пытках низкочастотными излучениями, и о мучительствах в застенках местного МГБ, однако вряд ли ему могло прийти в голову и о том, что такого рода пытки будут применены к нему, иностранцу!

А боль в груди и в животе становилась нестерпимой. Арсений Алексеевич продолжал сжимать зубы, упрямо глядя перед собой. В какой-то момент он ощутил во рту горьковатую влагу, по подбородку что-то потекло.

И тут, на грани яви и забытья, он различил обрывок фразы:

– ...язык себе прикусил. Для первого раза хватит...

...Спустя полчаса совершенно обессиленного Горецкого отвели в общую камеру следственного изолятора МГБ, где томились моряки с арестованной «Астрахани» – все, кроме Миши Щетинина, находившегося в тюремной больнице. Надзиратель вылил на голову Арсения Алексеевича ведро воды, и арестант, захлебываясь, очнулся...

– ...знаешь, Равиль, тут самым главным было – сосредоточиться не на боли, а на чем-нибудь другом, – спустя полчаса рассказывал он старпому, лежавшему на соседних нарах. – Я так сам себе и приказал: смотреть на трещину в потолке, прикидывать, на что она похожа и что можно к ней такого пририсовать, чтобы она стала похожей на парус. Или на облако. А когда меня тащили сюда, понял: ломать нам кости и подвешивать нас на дыбе никто не будет. Рано или поздно нас придется предъявить нашим дипломатам. И главное тут – никаких следов физического воздействия.

– Я одного не могу понять. – Равиль Нигматуллин осторожно снял с головы Горецкого холодный компресс. – Неужели они действительно пытали тебя лишь для того, чтобы ты сознался в контрабанде наркотиков и незаконном пересечении границы? Да тут половина населения анашу курит. И что – всех пытать? Никаких палачей не хватит!

– Думаю, тут что-то другое. – Капитан с трудом приподнялся на локте. – И наркотики, и нарушение границы – всего лишь повод. Нас и дальше будут пытать таким вот изощренным способом. Чтобы выработать страх перед пыткой, моментальный рефлекс на боль, словно у павловских собак... А уже потом предложат сделку. Но какого свойства – сказать пока не могу.

Но то, что этот узколобый палач и та женщина-майор уже роли расписали на «хороший и плохой следователь», мне сразу стало понятно.

Лучи заходящего солнца скупо проникали в камеру через запыленное решетчатое окно под потолком. Со стороны коридора послышался топот тяжелых ботинок, и спустя несколько минут из соседней камеры донеслись звуки ударов и крики избиваемых – это спецназ МГБ тренировался на подследственных. Под нарами зашуршали крысы, на которых тут никто уже не обращал внимания.

– Дело швах, – тяжело вздохнул Нигматуллин, оценив перспективы. – Что же нам делать?

– Бежать отсюда. – Голос Горецкого был ровен и тих, как полет совы.

– Тут убежишь... – Равиль обвел взглядом массивные стены и сводчатый потолок. – Не тюрьма, а просто какой-то бункер на случай атомной бомбардировки. И еще неизвестно, сколько тут охраны. Да и спецназ каждый вечер на арестантах тренируется.

– Заключенный думает о побеге куда чаще, чем тюремщик о своих ключах, – напомнил Горецкий общеизвестную поговорку. – Меня пока через тюремный дворик вели, я кое-чего заметил. Это только кажется, что удрать отсюда невозможно. А на самом-то деле проще, чем может показаться. Тут все-таки не «Синг-Синг», а обычная восточная тюрьма. Вертухаи ленивые, необязательные...

– Если все так просто – почему отсюда никто не бежит?

– Потому что уверены, что убежать нереально.

Старпом сел на нары, осмотрел камеру. Восемь рядов двухэтажных шкафов, стол, унитаз, раковина, массивная металлическая дверь с «кормушкой»... В камере был только экипаж «Астрахани» – двадцать четыре человека. А это, в свою очередь, исключало утечку информации.

– Так что – всем сразу отсюда бежать? – недоверчиво прикинул Равиль. – Задержат...

– Всем сразу и не надо. Достаточно кому-нибудь одному, кто знает этот город и сумеет незаметно добраться до порта. А дальше – любым способом добраться до какого-нибудь нашего корабля, там в порту всегда с десяток стоит. И, считай, спасся. Потребовать выдачи человека они уже не смогут, ведь, по международным нормам, любой наш корабль – это территория Российской Федерации. Не на бордаж ведь его брать!

– А если такой корабль не выпустят в море? – предположил Нигматуллин недоверчиво. – Да просто лоцмана для проводки не дадут или буксир...

– Достаточно будет попросить капитана связаться по рации с нашим пароходством и объяснить, что тут происходит на самом деле, – парировал Горецкий. – Вот тогда получится иной расклад: выяснится, как они ввалили и нашим властям, и всему миру!

– Ну, хорошо, – почти согласился старпом. – А как ты предлагаешь отсюда убежать?

Арсений Алексеевич внимательно взглянул на оконную решетку и пообещал позже изложить свой план бегства.

Глава 3

Задание, полученное Виталием Саблиным от адмирала Нагибина, на первый взгляд выглядело простым. Следовало, используя все преимущества микросубмарины, незаметно добраться до юго-восточного берега Каспия. Ориентиром служил старый полузатопленный маяк, возвышавшийся километрах в пятнадцати от порта. Из-за постоянного наступления моря и значительного смещения береговой линии маяк был давно заброшен. Спутниковый мониторинг показывал, что район этот преимущественно безлюдный – лишь иногда в море появляются рыбацкие лодки. В полузатопленном маяке и предполагалось соорудить тайную базу для группы боевых пловцов. Именно потому Саблина и отправили одного: вместо штатных пассажиров микроподлодка несла груз: оружие, боеприпасы, средства связи, продукты и питьевую воду. Но главным было даже не оборудование базы: Боцману следовало забрать на берегу небольшой контейнер с неким загадочным грузом, без которого освобождение экипажа «Астрахани» было невозможным. Кто должен был оставить этот контейнер и какого свойства груз в нем находился, Виталий, естественно, не знал. Нагибин лишь скупко обмолвился – мол, у нас на берегу есть своя агентура, однако она настолько ценная, что светить этого человека нельзя даже перед стократно проверенным спецназовцем...

...Несмотря на довольно внушительные размеры, управлять микроподлодкой было довольно просто: отзывчивый штурвал позволял быстро изменять глубину и направление движения. Правда, ночной режим плавания исключал подводный прожектор: Боцман вел микросубмарину исключительно по приборам. Тьма на пятиметровой глубине была почти абсолютной: ночная вода напоминала крепчайший кофе. И хотя корпус микросубмарины сотрясала едва ощутимая вибрация, свидетельствующая о работе винтов, Саблину все время казалось, что он стоит на месте.

Путь от ремонтной плавбазы до полузатопленного маяка занял даже чуть меньше расчетного времени. Подводный аппарат с шуршанием въехал носом на мелководье, и песчаная взвесь окутала остекление кабины. Определив по приборам свое местонахождение, Боцман отжал штурвал вверх, и микросубмарина плавно всплыла на поверхность.

Ночной Каспий выглядел на удивление спокойным. Безоблачная высь переливалась золотыми гроздьями созвездий. По зыбкой поверхности моря разливался, вспыхивал таинственными блестками призрачный лунный свет. Катились волны, гладкие, словно отполированные, вспыхивая мгновенным блеском и потухая.

Старый заброшенный маяк в свете луны походил на декорацию из романтической сказки: огромный белокаменный столб на фоне ритмично вздыхающего моря. Маяк этот и впрямь выглядел идеальным для временной скрытной базы боевых пловцов. Во-первых, на верхний, сигнальный этаж вела винтовая лестница – хотя и ржавая, но еще достаточно надежная для подъема. Это давало возможность скрытного обзора местности на несколько километров вокруг. Во-вторых, нижний затопленный ярус с огромной брешью со стороны моря был прекрасным местом, чтобы не только спрятать там микроподлодку, а в случае необходимости и незаметно отойти от берега. В-третьих, от береговой линии маяк отделяла полоса воды длиной метров в сорок, а это означало, что всякий, кто попытается добраться до маяка вплавь или на лодке, наверняка будет замечен даже с нижних ярусов.

Оборудование временного схрона для Зиганиды и Сабуровой заняло у Саблина часа три – маяк был типовой постройки, и подводному пловцу не пришлось тратить время на изучение внутренних конструкций. Связавшись с Федором Ильичом, Боцман отрапортовал: мол, первая часть задания выполнена, что дальше? А дальше следовало с аквалангом проплыть полтора километра в южном направлении, отыскать на берегу кладбище списанных сейнеров. В ходовой рубке одного из них надо было забрать тот самый небольшой контейнер, о котором говори-

лось, переправить его на маяк, вскрыть, выйти на связь и дожидаться последующих инструкций.

Рассвет на южном Каспии всегда наступает неожиданно. Казалось, еще недавно и небо, и море были непроницаемо черными, но вот из воды вырастает огненный шар солнца, и уже спустя несколько минут от бывшего мрака не остается и следа. Каспий тут же приобретает свой природный бирюзовый цвет, песочек из серого становится ярко-желтым, небо – пронзительно голубым, и недавняя тьма сменяется всеми красками радуги.

Восходящее солнце уже золотило верхушки далеких предгорий, когда Саблин отыскал корабельное кладбище. Выйдя из воды, он снял загубник, поднял маску на лоб, внимательно осмотрелся... Берег был абсолютно пустынным. В перспективе, перед невысокими холмами, желтели барханы с чахлой грязно-зеленой растительностью. Корабельное кладбище и вовсе выглядело уныло: несколько десятков рыжих от ржавчины сейнеров, буксиров и катеров, гниющих на пляже как минимум лет десять, бесформенные куски железа, разрозненные фрагменты такелажа... Нужный Виталию корабль находился значительно ближе других к кромке воды. Он лежал на боку, и аквалангист без особого труда проник вовнутрь. Инстинктивно стараясь не скрипеть проржавленным железом, Боцман продвинулся к ходовой рубке, осмотрелся и, заметив отогнутый лист обшивки, просунул под нее руку. В ладонь лег холодный продолговатый цилиндр из дюраля. Это был тот самый пенал, о котором и говорил Нагибин.

Саблин уже направлялся к воде, когда заметил позади себя какую-то тень, стремительно мелькнувшую из-за соседнего судна. Все произошло слишком неожиданно – Боцман даже не успел обернуться...

Последовал лязг передергиваемого затвора, автоматный ствол безжалостно уперся в затылок и властная команда по-русски, но с заметным акцентом: «Не двигаться и не оборачиваться!»

Бежать было бессмысленно: гидрокостюм и баллон на спине стесняли движения. Невидимый автоматчик наверняка бы успел нажать на спусковой крючок куда раньше, чем Боцман сумел бы обернуться.

Саблин так и остался стоять у самой кромки воды, сжимая в руке продолговатый дюралевый пенал...

* * *

Восточный владыка может простить своему визирю многое: лень, необязательность, грубую лезть и даже умеренное воровство... Но уж если речь заходит о возвеличивании личности хана, то тут никакого прощения ждать не приходится.

Кто-кто, а Байрам Сахатов, знавший президента еще со школьной скамьи, понимал: если он не сдержит свое слово насчет конного памятника Отцу нации, отношение к нему переменится кардинально. Ведь именно сам владелец «Каспий-инвеста» и предложил президенту идею «монумента, который переживет века», ведь именно он и поклялся возвести его на свои собственные деньги, ведь именно он и обещал торжественно открыть памятник ко дню рождения любимого руководителя! Оказаться лгуном означало как минимум опалу, а как максимум – потерю всего бизнеса и даже тюремный срок. Ведь недоброжелатели и завистники, каковых в администрации президента было немало, наверняка бы сумели подобрать нужные слова для очернения Байрама!

Едва Сахатов спустился по трапу с борта личного самолета, как тут же приказал встречавшему его Омару взять его к месту стройки.

Омар – ленивый самодовольный толстяк, с колыхающимся, словно грелка, животом, торчащим из-под форменного ремня, – делано удивился:

– Зачем так спешить, дорогой Байрам? – Подполковник МГБ облизал жирные от плова губы. – Поехали ко мне домой! Манты, самса, пашлык, вино самое лучшее... Все для тебя! А стройка никуда не денется. Что, убежит куда-нибудь до утра?

– Таких, как ты, слушать – в тюрьму попадешь! – раздраженно буркнул олигарх. – Четыре месяца до торжественного открытия осталось, и ни дня больше.

– Ну, в тюрьму в нашей стране только по справедливости сажают. За нарушение государственной границы, например. – Племянник снова облизал жирные губы. – Или за контрабанду наркотиков. А ты, дядя, гордость нашей молодой республики, уважаемый бизнесмен, один из оплотов развивающейся экономики.

– Про русских нарушителей потом расскажешь. – Байрам отвернулся к окну.

Дорога от аэропорта до города-порта обычно занимала полчаса. Черный «Мерседес» в сопровождении мотоциклистов и джипов охраны мчался по нагретому за день шоссе. Иногда попадались придорожные кишлаки – после лощеной столицы они выглядели невероятно бедно: покосившиеся дома из обожженного на солнце кирпича, подслеповатые окна, линялые ковры на веревках. Вскоре из-за поворота вынырнуло бескрайнее поле хлопчатника, по которому ползало несколько десятков женщин с фартуками для сбора хлопка.

– И эта хлопковая плантация, между прочим, тоже твоя, – напомнил Омар Сахатов тоном Кота-в-сапогах, объявляющего, что все вокруг принадлежит маркизу Карабасу.

– Да знаю и без тебя. – Байрам был задумчив, ему явно не хотелось говорить. – В центр поехали. Стройку покажешь.

Ввиду приезда в портовый город высокого гостя все улицы, ведущие к морю, были перекрыты. Регулировщики, испуганно глядя на страшный черный «Мерседес» с правительственным номером и трехцветными мигалками на крышах джипов, вытягивались во фронт. Редкие прохожие спешили спрятаться в чайханах и магазинах – зачем лишний раз мозолить глаза агентам госбезопасности в штатском, которых только на главном проспекте наверняка было несколько сотен?

Описав полукруг, лимузин остановился у серобетонного пьедестала, уже высившегося на набережной. Неподалеку от него темнел огромный котлован. Ведь хитрый Сахатов не был бы самим собой, если бы не нашел способ личного обогащения за счет установки статуи Отцу нации. Перед исполинским конником предполагалось создать ухоженный мемориальный парк с клумбами, розариями, аттракционами и скамьями для отдыха. А под самим парком – огромный торговый комплекс, с платными паркингами, бутиками, чайханами, ресторанами, игровыми залами и даже небольшим базаром. Не стоит и говорить, кто должен был стать хозяином этого подземного бизнеса, который сам президент в пароксизме щедрости пообещал навсегда освободить от налогов...

Работа шла полным ходом. Деловито урчали бетономешалки, летели искры электро-сварки, лязгала арматура. Подъезжавшие самосвалы то и дело сбрасывали наземь гравий. Отчетом прорабов и архитектора проекта – мол, план выполнен на сто двадцать процентов, идем с опережением графика – олигарх явно остался доволен.

– Строительство идет не только днем, но и ночью, – счастливо блестя глазами, объявил главный инженер. – Мы уже и прожектора завезли. Атмосфера небывалого энтузиазма, в которой проходит возведение монумента нашему дорогому президенту...

– А что там у нас с самим памятником? – перебил Сахатов-старший, обернувшись к скульптору, прибывшему на место строительства еще вчера.

– Материалы поступят завтра после обеда, – ответил тот. – Отливка бронзовых конструкций займет не больше двух недель. Тем более что формы давно готовы. Остановка за немногим – отыскать глину нужного химического состава и консистенции. Мой помощник этим сейчас как раз и занимается. Думаю, через несколько дней обязательно найдет, земля у нас богатая. Он бы и раньше управился, если бы не вымогательство местной полиции.

Байрам вопросительно взглянул на племянника. Тот инстинктивно подобрал живот и выпрямил спину.

– Помощнику скульптора выделена наша машина, я ее специально на время у своего заместителя отобрал, – заученно отрапортовал он. – Полиция по всему побережью получила предписание: не останавливать этот автомобиль ни под каким предлогом.

– Стараешься, стараешься, теперь вижу, – подобрел Байрам. – Ладно, поехали к тебе... Ты там что-то про самсу, шашлыки и вино говорил? Заодно и про русских моряков мне расскажешь...

* * *

– Медленно разворачиваешься и с поднятыми руками идешь от моря наверх. И не вздумай бежать – пристрелю! – с заметным акцентом проговорил неизвестный, вжимая автоматный ствол в затылок боевого пловца.

Виталий оставался на удивление спокойным – ведь его психика отличалась тренированностью, да и подобные внештатные ситуации предусматриваются на многочисленных тренингах спецназа ВМФ...

Осторожно скосив глаза вниз, Саблин различил тень автоматчика. Он был один, но это вовсе не означало, что где-нибудь рядом не скрывается напарник. Второй автоматчик мог быть где угодно.

Боцман понимал: главным теперь было – усыпить бдительность неизвестного. Поднимая руки над головой, Виталий послушно пошел в указанном направлении. Баллон с дыхательной смесью был тяжел, ласты мешали идти по песчаному пляжу. Теперь автоматный ствол не упирался в затылок боевого пловца – судя по тени, конвоир двигался сбоку-сзади на незначительном отдалении.

Понуро опустив голову, Саблин двигался в сторону невысокой дюны. Путь к дюне лежал через корабельное кладбище; в противном случае пришлось бы делать значительный крюк.

Ржавый буксир, перевернутый на бок, был уже совсем близко. С палубы его свисала толстенная, с человеческую руку толщиной, якорная цепь. Это был шанс, настоящий подарок судьбы...

Дойдя до буксира, Боцман немного пригнулся и, схватив конец цепи, резким движением направил ее назад, метя в голову позади идущего. Звук удара, короткий вскрик, шелест песка под подошвами автоматчика, удар о землю падающего тела... Мгновение – и боевой пловец, метнувшись назад, уже выворачивал руку конвоира, другой рукой вжимал его голову в песок. Тот попытался было увернуться, но резкий удар локтем в затылок заставил сопротивлявшегося раскрыть рот и выпучить глаза. Следующий удар чуть левой темени и вовсе его обездвигил. Схватив дюралевый пенал, Саблин уже определил путь к воде, когда откуда-то с верхушки дюны неожиданно прогремела автоматная очередь. Песчаные фонтанчики, вздымаемые пулями, заплясали в каком-то метре от Боцмана. Бежать к морю в стесняющем движения гидрокостюме, с тяжелым баллоном за спиной не имело смысла: автоматчик сто раз успел бы подстрелить жертву.

Боцман поднял с песка «калашников» конвоира и осторожно отполз за буксир. Из-за дюны показалась голова стрелявшего, и Саблин, вскинув оружие, нажал на спусковой крючок, но не попал, потому что голова исчезла за какое-то мгновение до этого. Продолжая удерживать дюну на мушке, боевой пловец принялся осторожно отползать назад.

И тут автоматная очередь прогреготала откуда-то сбоку. Пули с мерзким чавком прошли обшивку буксира над самой головой Виталия. Судя по всему, это был уже другой автоматчик – первый вряд ли успел бы так быстро переменить позицию. А это, в свою очередь, означало, что положение Боцмана становилось безвыходным: перекрестный огонь – штука

скверная, да и позиция второго стрелка оставалась невыясненной... А ведь на берегу могли прятаться и другие бойцы!

Выход напрашивался сам собой: спрятаться в чреве списанного буксира и отстреливаться до последнего патрона. Саблин быстро скинул ласты, подтянулся на ржавом блоке, свисавшем над головой, и, проскрежетав за спиной баллоном по ржавому железу, очень удачно нырнул в световой люк.

Стрельба на какое-то время стихла – видимо, стрелявших озадачило исчезновение Саблина. Прошла минута, две, три... Боевой пловец припал глазом к щели в палубе. На вершине дюны обозначился силуэт одетого в камуфляж человека без оружия. Удерживая над головой длинную палку с белой материей, он всем видом показывал, что направляется для переговоров. Однако это, скорее всего, было уловкой, чтобы затянуть время: несомненно, его напарник уже вызвал подкрепление. Саблин поднял автомат, высунул ствол в щель и, прицелившись, пустил короткую очередь под ноги камуфляжнику с белым флагом.

– Стоять! – прикрикнул Боцман.

Парламентер остановился, обернулся, что-то крикнул и, услышав короткий ответ (Виталий не разобрал, какой именно), бросил белый флаг, быстро отбежал назад и спрятался за дюной.

И тут произошло нечто неожиданное. Со стороны дюны донеслось два быстрых негромких хлопка – будто бы воздушные шарики лопнули. Боцман так и не понял, что случилось... Однако меньше чем через минуту снаружи послышались чьи-то торопливые шаги, и негромкий баритон снаружи произнес по-русски и без акцента:

– Они уже не выйдут. Сейчас ты очень быстро спускаешься к воде, плывешь к своему маяку и до наступления темноты не высываешься. Местные полицейские приняли тебя не за того, кто ты есть на самом деле.

Несомненно, именно говоривший, спустившийся, словно ангел с небес, в самый драматический для спецназовца момент, и избавил Саблина от возможных неприятностей...

Человек этот не мог быть провокатором: а то откуда бы он знал про маяк? Видимо, это и был тот самый агент, который, со слов Нагибина, и оставил пенал для Виталия. Но почему он вернулся? Почему посчитал необходимым подстраховать Саблина? Почему полицейские подпустили его так близко к себе?

Задавать лишних вопросов не хотелось, да и смысла в них не было. Выбравшись из чрева буксира, Боцман быстро надел лежавшие на песке ласты и, не оборачиваясь, двинулся в сторону моря...

Глава 4

Предложение капитана Горецкого относительно побега выглядело вполне разумным. По крайней мере, попытаться удрать из тюрьмы было куда лучше, чем сидеть в камере, ожидая, какие новые пытки придумают следователи. Правда, массовый побег был загодя обречен на неудачу, а потому даже не рассматривался экипажем «Астрахани».

– Значит, надо бежать кому-нибудь одному, – подвел черту капитан и, обведя глазами камеру, прищурился: – Кому именно? Давайте решать.

– Вам, Арсений Алексеевич, и надо, – поразмыслив, ответил старший механик.

– Почему именно мне?

– Во-первых, вы – самый опытный, – подхватил корабельный доктор. – Во-вторых, хорошо знаете этот город, в порт заходили неоднократно. В-третьих, слово капитана значит для нашего пароходства куда больше, чем слово простого матроса.

– А потом, главной жертвой они избрали тебя, – напомнил старпом очевидное. – Значит, и дальше будут пытать этим чертовым излучателем. Только вот как отсюда бежать?

– После отбоя расскажу, – пообещал Горецкий; он уже согласился с тем, что попытаться бежать следует только ему одному. – Только мне надо, чтобы кто-нибудь отломал ножку от во-он той металлической табуретки. Кто из вас самый сильный, ребята?..

Побег был запланирован сразу после отбоя: ведь именно в это время, как наверняка уже знал Горецкий, в тюрьме происходила смена охраны. Под потолком погасла единственная лампочка в зарешеченном цилиндре, вся камера принялась напряженно прислушиваться к шагам вертухаев в коридоре, к лязгу дверей, звукам в соседних камерах...

Наконец, все стихло. Арсений Алексеевич снял с нар простыню, включил в рукомоёмнике кран и сунул в воду. Затем – еще одну. Затем – еще... Когда простыни хорошенько намокли, Горецкий свернул их в жгуты и обвязал два соседних стальных прута оконной решетки – тех, что были слева. Залез на нары, сунул в это мокрое кольцо отломанную ножку табуретки и принялся крутить, словно бы закручивал тиски. Двойной мокрый жгут толщиной с человеческую руку постепенно утончался, на пол камеры потекла вода. Камера следила за действиями Арсения Андреевича, затаив дыхание.

– Фу-у-у... – Капитан вытер вспотевший лоб и кивнул старпому: – Равиль, помоги...

– Где ты этому научился? – Нигматуллин налег на рычаг, завинчивая импровизированный канат все туже и туже.

– Дед рассказывал, – шепотом пояснил Горецкий. – Он в сорок втором году в окружение к немцам попал, его в деревенскую тюрьму сунули до рассвета. Так ночью и удрал...

Влажная хлопковая простыня, свернутая в жгут, по прочности может сравниться с корабельным канатом. Равиль упорно продолжал накручивать ножку табуретки, белое кольцо вокруг двух прутьев становилось все туже, и наконец металлические штыри стали прогибаться, сближаясь друг с другом. Уставшего Нигматуллина сменил старший механик, того – судовой врач... Вскоре оба прута, изогнувшись буквой «Х», наконец коснулись друг друга. Таким же образом были выгнуты два соседних прута – те, что справа. Спустя полчаса между прогнутых стальных штырей зияла дыра, достаточная для того, чтобы худощавый человек мог вылезти наружу. Оставалось лишь открыть форточку...

Однако это было лишь полдела. Тюремная камера находилась на высоте двадцати метров. Ниже была лишь глухая кирпичная стена – ни окон, ни выступов. С наружной стороны тюрьму ограждал высокий забор с острыми копьсообразными навершиями, между которыми была протянута колючая проволока, дальше сразу же шел морской берег. К счастью, ни охранников, ни прожекторов тут не наблюдалось: видимо, тюремное начальство посчитало, что стальная решетка и двадцатиметровая высота делают побег невозможными.

– Теперь быстренько скручиваем все простыни в жгуты, связываем морским узлом, – скомандовал Горецкий и, взяв казенное одеяло, спросил: – Тут где-то два болта были, со сломанной табуретки...

– Вот, Арсений Алексеевич. – Старший механик протянул ему массивные металлические шайбы. – Зачем они вам?

– А как через забор с колючей проволокой перелезть? – неожиданно улыбнулся капитан, привязывая болты к краям тюремного одеяла.

Наконец, простыни были связаны, и самодельный альпинистский шнур почти коснулся земли.

– А если тюремщики спросят, как ты бежал – что сказать? – Равиль помог капитану взобраться на верхнюю шконку.

– Ну, если вы скажете, что спали и ничего не слышали, вам, конечно же, не поверят, – прикинул Горецкий. – Скажите так: мол, я начальник, мое слово закон даже тут, в тюрьме. Мол, начальников в России очень боятся и уважают, а потому вы беспрекословно исполняли все мои приказы, иначе бы я мог вас убить. Для Средней Азии это вполне подходящее объяснение... Простыни потом поднять не забудьте, а то еще статью «воровство казенного имущества» будут шить!

– Счастливо вам, Арсений Алексеевич! – заговорщицким шепотом пожелали пленные моряки.

– Вам, по понятным причинам, этого пожелать не могу. – Капитан принялся осторожно продвигаться сквозь отверстие между прутьями. – Просто берегите себя!

Спустился он без каких-либо помех: простыни были связаны друг с другом намертво. Крадучись, подошел к стене, достал из-за пазухи одеяло и ловко набросил его на колючую проволоку – вперед тем концом, к которому прикрепил гайки. Одеяло плотно легло на колючую проволоку. Беглец отыскал несколько камней, соорудил из них подобие подставки, пружинисто подтянулся, ловко ухватился за копьеобразное навершие... И, перевалив через стену, исчез в темноте.

* * *

Дом подполковника МГБ Омара Сахатова воскрешал в памяти «Сказки тысячи и одной ночи». Тут было все: башенки с узорными зубцами, мраморные лестницы, спускающиеся к самому морю, и даже небольшая домашняя мечеть с изящным минаретом. Фонтан в центре двора дарил прохладу. По тенистому ухоженному саду ходили ручные павлины с распущенными хвостами. Рядом с фонтаном, под специально натянутым тентом с изображением государственного герба, возвышался уже накрытый стол, рядом с которым в напряженной позе застыл официант.

– Прощу, дорогой дядя, – Омар Сахатов аж лучился от самодовольства. – Вот, ваше почетное место... Мой дом – твой дом! Я ведь прекрасно помню, кому всем обязан!

– Богато живешь, дорогой племянник, – с хмурым видом оценил олигарх дом племянника и, прищурившись, уточнил: – Неужели на свою подполковничью зарплату построил?

– Ну, у меня ведь еще маленький бизнес, – признался племянник, потупив взор. – Законом это не запрещено, да и сам Отец нации негласно поощряет... если бизнесом занимаются надежные и проверенные люди! А я как раз из таких. Кстати, у нашего начальника Управления жилище гораздо богаче. В сравнении с ним мой домик – просто халупа!

Началось фантастическое обжорство, длившееся до позднего вечера. Самса, шашлык, жареные бараньи яйца, плов, осетрина на вертеле, копченая верблюжатина, шотландский виски, испанские вина, русская водка... Байрам ел немного: еще с юности он приучил к себя

к сдержанности в еде. А вот Омар поглощал блюда, словно ненасытный джинн из восточной сказки, запивая все отборным французским коньяком.

– А у меня, дорогой дядя, для тебя сюрприз, – подмигнул он заговорщицки.

Владелец «Каспий-инвеста» насторожился – он справедливо подумал, что подполковник МГБ наконец заведет разговор об арестованных русских моряках.

– И что за сюрприз? – оживился Байрам.

– Прошу... – Сахатов-младший грузно поднялся и сделал приглашающий жест в сторону дома.

На первом этаже белел квадратный бассейн, обложенный драгоценным каррарским мрамором. Однако вода в бассейне была сильно пенистой и к тому же отливала неестественным золотистым цветом.

– Что это? – не понял олигарх.

– Бассейн, – сообщил подполковник МГБ.

– А почему вода такая странная? – Сахатов-старший подозрительно втянул ноздри в воздух. – И пахнет как-то странно...

– А это не вода, дорогой дядя! – заулыбался Омар и принялся раздеваться. – Давай, давай, не пожалейся... Не простудишься, не бойся – тут у меня специальная система подогрева, специально самого продвинутого инженера из Германии выписывал!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.